

Павел Примаченко

Экспресс «Россия»

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=326402
Экспресс «Россия»: Голос-Пресс; М.; 2007
ISBN 5-7117-0171-1

Аннотация

Герои этого повествования в августе 1991 г. ехали в скором поезде Москва – Владивосток".

Знакомились с попутчиками, беседовали о жизни, читали, спали – одним словом, коротали время в дороге.

Экспресс благополучно добрался до берегов Тихого океана и вскоре пошел обратно в Москву. Обычный рейс. Те же вагоны, те же пассажиры, тот же состав поездной бригады...

Вот только ехали на восток граждане СССР, а вернулись обратно граждане другого государства – Российской Федерации.

Автор, очевидец тех событий, рассказывает, как пережили события "августовского путча" пассажиры экспресса, что они почувствовали, став гражданами нового государства...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Глава 8	40
Глава 9	44
Глава 10	47
Глава 11	55
Глава 12	65
Глава 13	70
Глава 14	76
Глава 15	80
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Павел Примаченко

Экспресс «Россия»

Глава 1

Красавец-экспресс, блестя вагонами, вытянулся вдоль перрона. Посадку еще не объявили, но пассажиры уже роились возле состава, нервничали и, поглядывая на часы, прислушивались к репродуктору.

– Эх, глупый народ, – ласково думал Василий, – куда мы без вас? Кормильцы вы наши и поильцы. Всех подберем, всех посадим, никого не забудем. – Подошел к своему вагону, открыл тяжелые двери тамбура. Насколько человек ринулись к нему.

– Уже пускают, уже можно?

– Нельзя, служебный вход, – вежливо, но важно ответил он.

Работал Василий Клоков ночным сторожем вагона-ресторана фирменного поезда Москва-Владивосток – экспресса «Россия». Пятнадцать суток в пути, столько же выходных. А в сезон – весна-осень катались без подмен. За лето ни разу домой не вырвался, хотя в Москве состав находился сутки на «перестое». Вся бригада на ночь уходила, а сторожу – ресторан охранять.

Утром все сложилось удачно. Первым в вагон влетел директор – сто вопросов, сто указаний, жми педали в темпе и разом. – Недаром Велосипедом прозвали. – Ты, Василь, вино прими, не прозевай, я ведь вперед уплатил, чтобы вернее было, а теперь душа не на месте.

– Приму, только сначала разреши домой смотаться.

– А если опоздаешь?

– Успею, одна нога здесь – другая там. Всех делов то водки купить и белье поменять, а вагон на бабу Ганю оставлю. – Про машину не обмолвился.

– Беги, – дал добро директор.

– Накаркал, – сокрушался Клоков. Да и я хорош! Сумку забыл, вернулся! Там ведь водка для пассажиров – главный заработок. А раз с дороги вернулся, удачи не жди. Мог бы без паники сгонять на вокзал, принять вино, потом на такси за сумкой. Теперь, что рассуждать, теперь молчать надо и ждать пока шеф наорется, выдохнется.

Ресторан встретил прохладой, легким сумраком опущенных занавесок с надписью «Россия». На столах, покрытых чистыми, накрахмаленными скатертями, букетики цветов в вазочках, бутылки с прохладительными напитками, красочные бланками меню и блеск сервировки.

Тишину нарушил скрипучий голосок. – Кто есть сторож вагона-ресторана? Он как участковый милиционер, как домоуправ. – Василий обрадовался. – Кузьма-Кувалда – инспектор технического надзора станции Москва-главная. Ме-

ня ждет для инструктажа.

Из полумрака появился лихой дедок с грязной холщевой сумкой на руке. Он достал большую «амбарную книгу», обернутую в газету. На ней красным карандашом было выведено: «Журнал инструктажей технического состояния вагонов-ресторанов». Кузьма сдвинул блестящую сервировку, хлопнул книгой о белую скатерть, лег локтями на стол. От него пахивало винцом, глазки жуликовато поблескивали.

– Нет, ты мне ответь, кто есть наиглавнейшее лицо в вагоне-ресторане? Официанты?

Дед прищурился и отрицательно покачал лысенькой головкой с редкими, белыми, как перышки, сединками. – Да без них ресторан доедет хоть до Америки. – Думаешь повар атаман? – Нет, без него хоть на край света. – А может директор коренник? А во! – Он ловко скрутил кукиш и, как пистолет, наставил на Василия. – Да моя торба сто директорских портфелей пережила. Сто начальников сняли, а я на должности. Да без директора хоть до Луны. А без ночного сторожа – полный тупик, полный. Ведь только отвернись, и свои же до шпейки разворуют, растащат. А кто на кухне слив почистит? Печку растопит? Вагон углем обеспечит? Повар? Официанты? Да они зимой в момент упустят систему парового отопления, что приведет к ее полной непригодности для дальнейшей эксплуатации. И сами, как цуцики, замерзнут. А кто пассажира ночью куревом обеспечит? Стаканчик вина нальет? Эх, – инструктор рубанул ладошкой воздух. – За-

помни, ты – коренник, а они – пристяжные. Все понятно? Вопросы есть? Правильно. У матросов нет вопросов, распишись. – Кузьма открыл журнал, где на леске болталась шариковая ручка. Сторож в нужной клеточке поставил подпись и достал бутылку портвейна. Он знал, что «начальство пользуется красненькое», но не больше одной мерки, как не уговаривай.

– Кузьма Сидорович, куда же вы?

Кувалда, глянув на бутылку, близоруко прищурился. – Не, на службе не. Разве из уважения. – Пошарил в сумке, достал стаканчик. Он, «боясь инфекции», таскал с собой личную посуду, Принял винцо и, разрывая цепкими, как у птицы, пальцами колбасу на мелкие частички, зашамкал лысыми деснами.

– Что ж вы протез не поставите?

– Скус еды через тот протез не чувствуешь, – объяснял Кувалда.

– Может еще стаканчик?

– Нет, не последнего тебя инструктую, – Кузьма подал руку. – Зеленого вам. Слышал, проверка будет. Большие люди шепнули. Но ты не бойсь, главное не сифонь, закрой поддувало. Сколько на железке, столько и пугают проверками этими, – захихикал он. Но через несколько шагов, резко обернулся, плутовато спросив. – А что должен иметь в правом кармане штанов хозяин вагона?

– Ключи проводницкие, – в тон ему ответил Клоков.

– Правильно, – обрадовался дед и довольный пошагал к выходу.

Из кухни плыли аппетитные запахи, ворчали сковородки, и резал слух голос повара.

Очаровательные синенькие глазки
Навек очаровали вы меня
В вас столько кайфа, столько таски,
В вас столько страсти и огня.

Увлеченный работой, он тянул длинное попури, нещадно перевирая слова и мелодию. Казалось, Володя претворяется, а он искренне удивлялся. – Неужели плохо? Вам не нравится, а мне песня жарить и жить помогает.

Василий заглянул в раскрытые двери. Возле входа на пустом ящике сидела баба Ганя. На седых волосах – зеленый платок с красной искоркой. На пояснице – большая шерстяная шаль. Склонив голову, она монотонно чистила «картоплю» и как бы прислушивалась к голосу повара. Володя в белой поварской куртке, синих спортивных шароварах, шлепанцах на босу ногу, мокрый от пота, замер с лопаточкой в руке над раскаленной плитой. Его фигура «что положишь, что поставишь» напряглась, как у спортсмена перед решающим рывком, и он быстрыми, ловкими движениями начал переворачивать тушки рыбы на сковородках.

– Эй, Шаляпин, – окликнул его Василий. Где Велосипед?

– А черт его знает. – Володя не сразу оторвал взгляд от

плиты. Между прочим, Ночка, с тебя причитается. Товар ваш принят и оформлен в грузовую яму.

Клоков замер от неожиданности и с радостью бросился к нему.

– Володечка, друг, спасибо. А я, поверишь, как Матильду увидел, все начисто из головы вылетело. Ведь три месяца с ней не «встречались». Весной взял и сразу «расстались». Хорошо на стоянку успел определить.

Василий вспомнил, как с замиранием сердца подошел к машине, рывком дернул чехол, и заискрилась, заиграла красавица-семерка светло-голубыми бликами кузова, серебром никеля, темной глубиной стекол. Полюбовался, проехал до ворот стоянки, а, вернувшись, долго сидел, слушая тихий шелест остывающих агрегатов машины.

– Почему вдруг Матильда? – Вернул «на землю» голос Володи.

– Не знаю. Но, как увидел, сразу с языка слетело – Матильда да и только. Столько лет со стареньким москвичом мучился. Взял даром, зато потом оплатил сполна, повалялся под ним, попотел. О новом жигуленке мечтал. Но сам знаешь, как с машинами туго было. Николаич выручил. Свой его, инвалид, новую семерку продавал. Он сразу ко мне. Правда, денег не хватало. Часть – родственники подкинули, даже теща «гробовые» отстегнула. А больше всех Николаич помог и условий не ставил. – Сможешь, вернешь, – только и сказал. – Василий улыбнулся, довольный. – Спасибо тебе,

Володечка, у меня прямо камень с души.

– Спасибо слишком много, а три рубля в самый раз.

– Да я, что хочешь, только пожелай.

– Начнем с пива. Только холодного. Кстати, обещают большую проверку.

– Да что нам проверки? Мы их, как мышей, разгоним. Правда, баба Ганя? – Василий выскочил в зал за пивом и налетел на директора.

– Как товар? – Забеспокоился тот.

– В полном ажуре, Николаич.

– Отлично, разливай. Будет комплексная проверка, министерская, но пока об этом никому, – таинственно шепнул он, – думаю, нагрянут под Владивостоком. А мы их опередим, весь товар спустим. Давай. Жми, дави, хватай, царапай. А где народ? Где все? Уже посадку объявили, – Велосипед сурово обвел взглядом ресторан и, не дав ответить, хлопнул кожаной папкой о столешницу. – Нельзя на минуту выйти, все сразу остановится. Васыль, живо поднимай людей.

Глава 2

В штабном вагоне Клоков столкнулся с проводницей Петровой. Дородной представительной женщиной «за пятьдесят». В узком проходе он оказался между стеной вагона и мощным животом «дамы». Глядя в ее строгое лицо с густо накрашенными губами и тонкими выщипанными бровями, сторож, пытаясь деликатно освободиться, любезно произнес.

– Вы, уважаемая, все цветете и пахните, как майская роза.

– Твои бы слова, Ночка, да Богу в уши. – Слыхал, проверку готовят? – Шепнула она многозначительно и, приподняв плечи, подалась грудью вперед, отчего блузка опасно наляглась.

– Неужели?

– Да. Юрия Антоновича важные люди в управлении упредили. – Петровна натянула бязевые перчатки, провела рукой по высокой прическе и завлекалочкам на висках, поправила медаль «За доблестный труд» и пошла к пассажирам, оставив терпкий запах «Красной Москвы» и импортного дезодоранта.

В купе за столиком сидела шеф-повар Антонида Захаровна. Напротив нее официант-разносчик Николай, по прозвищу Студент. На нижней полке лежала посудница Елизавета Валерьяновна Морозова, на верхней – официантка Юлька

Кукушкина. Подтянув колени к животу, сложив ладони лодочкой и подсунув их под голову, она сладко спала.

– Подъем, труба зовет, – зычно скомандовал Василий.

Все, кроме Юльки, вскочили и быстро вышли.

– Кукушкина, – крикнул он Юльке в самое ухо, – начальство требует. – Та сильнее съежилась, почмокала пухлыми губами и захрапела.

– Вставай, комплексная проверка!

Юлька широко открыла глаза, заморгала, будто вынырнула из воды. – А что у меня проверять? Спереди баба и сзади баба. Что они с меня поиметь могут кроме анализа? Да насрать мне на них, как цыганке на колхоз. Пусть шмонают, проверяют, – бурчала она, шаря спросонья ногами по полу, ища туфли.

– О, полюбуйтесь, два друга – модель и подруга, – набросился Велосипед, как только Василий с Юлькой появились в ресторане. Он возбужденно прикладывался к сигарете и чашке с кофе. – Сидим, ждем, летучку не могу начать.

– Теперь можете, – невозмутимо ответил Василий.

– Спасибо, – директор отвесил картинный поклон. – Кстати, анекдот. Перед штурмом Берлина у генералиссимуса совещание. Собравшиеся волнуются. Сталин трубку курит, молчит. Порученец шепчет, – Иосиф Виссарионович, генералы в сборе. Тот в ответ. – Знаю, но без полковника Брежнева начать не могу. Будем ждать! – Чернушка захихикал.

– Царица Небесна, – вздохнула баба Ганя.

– Так! – Велосипед перешел на деловой тон. – Антонида Захаровна, доложите обстановку.

– Ну, думаю, мяса до Владивостока хватит. – Напряженно начала шеф-повар. – Овощи не по всем позициям. Ну, думаю, обойдемся. Рыбы маловато, но во Владивостоке дополучим. Что еще?

– Все, Захаровна? – Чернушка нетерпеливо заерзал на стуле, утопил окурочок в суповом судке, прикурил новую сигарету.

– Как же все? – Шеф-повар подняла широкие брови. – Птицы почти не дали. А потом, я снова с «дыркой» выезжаю. На складе совсем обнаглели. Колбасы сырокопченой не довели, и растворимого кофе три банки не хватает.

– Разберемся, Захаровна, – торопливо перебил Сергей Николаевич.

– Кто мне «дырку» покроет? – Не сдавалась шеф-повар. – Я из своих не собираюсь доплачивать.

– Покроем вашу «дырку» в рабочем порядке, – директор подмигнул Клокову. – Товарищи, внимание! Генеральный сообщил две новости. Начну с плохой. Официально и достоверно! Меня поставили в известность, что на линии работает контроль. Комплексная министерская проверка. Комплексная! Чтобы никакой химии, никаких шахеров-махеров. Не последний кусок доедаем. Можно один раз и на голой заднице прокатиться. – Он кинул острый взгляд на шеф-повара.

Антонида Захаровна покраснела, тревожно облизнула гу-

бы. – Какая химия, Сергей Николаевич? – Тридцать лет без единого замечания. Себе в убыток работаю. Взять хотя бы сегодня. Только одной колбасы сырокопченной не довезли, – она занервничала, поперхнулась, закашлялась.

– Да разве я о вас? Я вообще. – Чернушка погонял сигарету. – А теперь хорошая новость. Заявления на отпуск Генеральный подписал, положил в сейф, и сказал. – Если ваша бригада, товарищ Чернушка, отработает поездку без сучка, без задоринки, значит, идете в отпуск и можете рассчитывать на первое место. – Директор потряс кулаком, – Чувствуете, чем пахнет? – Все начали принюхиваться. – Да не здесь, – он недовольно сморщился, – ведь это переходящее знамя, доска почета и премия.

Все обрадовались, оживились.

– Надо напрячься, навалиться. Короче – рви, дави, хватай, царапай. Наше счастье в наших руках. Как говорил Никита Сергеевич, цели определены, задачи поставлены, за работу, товарищи! – Захаровна, накрывайте, Елизавета Валерьяновна, убирайте.

Глава 3

Морозова и Юлька быстро сняли сервировку.

Скатерти и салфетки использовали только при отъезде из Москвы и при подходе к большим городам, где могли нагрянуть проверяющие. В пути пассажиры обслуживались «без излишеств».

Женщины начали с удовольствием накрывать «отходной» обед. К столу каждый из бригады приносил из дома что-нибудь свое.

Антонида Захаровна – холодец. Зимой и летом он не таял, был прозрачным, нежным, легким.

Морозова пекла большой пирог с капустой, яйцом, рисом и зеленым луком. Удавались ей и ватрушки с творогом, плачинда с яблоками и тыквой. Но особенно любили ее маленькие жареные пирожки с вишнями, которые прежде чем отправить в рот, надо было окунуть в сметану. Их не жуешь, а смакуешь, как конфету, и душа отделяется от тела.

Баба Ганя стряпала вареники с картошкой и лучком. При чем «каструлку» обязательно обматывала газетами, и закутывала в телогрейку, «щоб не застылы». Еще она мастерила «витамын». Шпик пропускала через мясорубку с чесноком, петрушкой и жгучим перцем. Лучшей закуски «пид чарку» не придумаешь.

Юлька готовить не любила и приносила с рынка «свежай».

Август – время сытное. На этот раз выкатила большой полосатый арбуз.

Студент тоже в стороне не оставался. – Судак в кляре, – а к нему мелко нарезанные соленые огурчики в майонезе. Мама постаралась, – слегка конфузясь, пояснял он.

Володя «изображал» говядину, запеченную под сыром, майонезом и луком. А на гарнир – картошку, зажаренную тонкой соломкой.

Василий несколько бутылок водки ставил, а директор закуской баловал. Дорогой колбаской, рыбкой.

Не успели накрыть стол, как Юлька нарубила арбуз на большие, как лодки, куски и давай его уплетать.

– Уймись, осадил ее Володя, – другим оставь.

– Ой, не могу, унеси, а то слопаю, – она задумчиво погрызла семечку. – И почему он, гад, такой вкусный? Лучше всякого мужика.

Сергей Николаевич, просим, – слегка наклонилась Антонида Захаровна.

– А полковник Брежнев здесь?

– Здесь, – откликнулся Василий и откупорил водку.

– Ну, вступим в бой, товарищи. – Директор потер ладошками. – Антонида Захаровна, куда столько? Тарелки не хватит. – Взмолился он. – И мясо я не употребляю, только петрушку-сельдерюшку, как Елизавета Валерьяновна. – Он подцепил кусок запеченной говядины, и почти не жуя, проглотил.

– Правильно, мясо – враг здоровья, – обрадовалась Морозова.

– Царица Небесна, баба Ганя внимательно посмотрела на судок с холодцом, сомневаясь, положить или нет, но потом решительно выбрала самый большой кусок.

– Господи, прости грехи наши, – покачала головой Антолида Захаровна и сгребла на тарелку полпротивня.

– Почему я в свои годы чувствую себя легко и уверенно? – Продолжала Морозова, – потому что каждое утро делаю физзарядку, выливаю на себя два ведра холодной воды, стараюсь съесть за день килограмм яблок – это железо, полезно для сосудов и килограмм свежих огурцов – их сок вымывает шлаки, а главное...

– Своевременный стул ежедневно, – подсказал Чернушка, – умильно улыбаясь.

– Это без всяких сомнений, это – фундамент здоровья, – согласилась Елизавета Валерьяновна, не замечая подвоха. – Способствует здоровью оптимизм и бодрость духа, а создают их стихи, песни и музыка. «Партия и Ленин – близнецы-братья. Кто более матери-истории ценен?» А песни, разумеется, советские. «Это есть наш последний и решительный бой», – пропела она сильным звонким голосом.

– Разумеется, – перебил ее Чернушка. – Он встал, строго оглядел коллектив. – Товарищи, все наляли? Будем надеяться – это есть наш последний и решительный рейс в сезоне. Откатаем его без приключений. Честности нам не занимать,

себе в убыток работаем, значит, бояться нам нечего. Но все же, пронеси Господи любую проверку. Ну, будем толстенькими, – он опрокинул рюмку.

– Чтоб всем комиссиям, ревизиям двести лет жить, а сто лет раком ползать, – высказалась Юлька, пропустив с удовольствием стаканчик.

– Не знаю, пить или не пить? – Засомневалась Антонида Захаровна и приложила ладонь к груди, – сердце так и жмет.

– Та пейте ж, Захарьивна, бо протухне, – не выдержала баба Ганя.

– А если опять прихватит?

– Хиба це от горылки?

– А то от чего же? – Ее полная рука слегка дрожала.

Баба Ганя, густо обмазала кусок холодца горчицей и, неторопясь, стала есть. Скривилась, даже слезинка выступила. Помотала седой головой и выдохнула, – гарно!

Антонида Захаровна с удивлением и возмущением воскликнула. – Неужели у вас сердце никогда не болит?

– Болит, дуже болит, – старушка потеряла поясницу, закутанную в теплый платок, – на дождь ох и болит.

– Разве там сердце? – отчаянно взвизгнула шеф-повар.

– Я, Захарьивна, не про серденько, а про печинку кажу, она попыталась выпрямить спину, но скривилась от боли. – От, опять хопает. Дождь будет. Наляй, Васичку. Что-то в горле дарынчить, дарынчить, треба горло промочить, промочить, – задорно пропела она.

Антонида Захаровна зажмурилась и, перекрестясь, осторожно проглотила винцо, закусив куском хлеба, хорошо одобренным «витамином» бабы Гани.

Народ с аппетитом ел и переживал по поводу комплексной проверки.

– А мне ж снилось! – Неожиданно покрыл общий шумок зловеший голос шеф-повара. Она пристально посмотрела в дальний верхний угол вагона.

Разговоры стихли.

– То ли степь, то ли равнина аж до самого горизонта. Яркое, яркое солнце, голымный снег кругом и тишина... – Она замолчала, утерла губы.

– Ну и что? К чему это? – Не вытерпела Юлька.

– Не к добру, ох, не к добру, прости нас, Господи!

Остальные перемигнулись, сдерживая улыбки. Одна Морозова, холодно смерив глазами Антониду Захаровну, попыталась что-то возразить, но передумала.

– Теперь, баба Ганя, надевайте свой «спинджак» с наградами и на дежурство, – объявила Юлька.

Галина Федотьевна всю трудовую жизнь «с детинства» провела на «буряках» – сахарно-свекловичных полях Украины. Заслужила орден Ленина и золотую звезду Героя Социалистического Труда. А, выйдя на «пенсию», приехала в Москву «онуоков доглядать». Дочь ее вышла замуж за родственника Антонида Захаровны. Когда внуки пошли в школу, «догляду» уже не требовалось, и Галина Федотьевна уго-

ворила Захаровну взять ее к себе разнорабочей кухни. Однажды на праздник баба Ганя надела «спинджак» светло-серого цвета, а на груди – орден Ленина и звезда Героя. Люди отказывались верить, тщательно ощупывали награды и даже пробовали на зуб.

Об уникальном сотруднике вагона-ресторана дошли слухи до райкома партии. Шутка ли. Какая-то «ложкомойка» расхаживает с высшими наградами Родины. Руководству треста приказали «немедленно закрыть маскарад». Антониде Захаровна упростила бабу Ганю не мозолить глаза орденами. Но старушка продиктовала «онуку листа, кому треба». Неизвестно, кто получил это письмо. Только неожиданно первый секретарь райкома партии лично принес искренние извинения за головоугодничество подчиненных и предложил ей вступить в общество «Знание», чтобы «доносить до молодежи свой богатый опыт патриота». Но все ее лекции состояли из одной фразы. – Встанешь до сонечка, цапку в руки и пишов – рядок за рядком, пока сонечко не сидеа.

Старушку оставили в покое. Но в поезд явился корреспондент какой-то газеты. Взяв у бабы Гани «интервью», он написал статью «Руки Ганки», про «героические трудовые будни Г.Ф.Шелест»... «Эти маленькие хрупкие руки могут нянчить детей, собрать на фронт мужа и от зари до зари трудиться в поле. Они вырастили столько сахарной свеклы, что из рафинада, полученного из нее, можно накормить население Англии, Франции и Бельгии. Теперь они на заслуженном от-

дыхе, но не привыкли сидеть без дела. Они начистили столько картошки, что ею можно накормить полевропы».

После этого бабу Ганю зауважали даже в тресте. Ходили слухи, будто она во время войны состояла резидентом советской разведки, «завалила большого Фрица и выкрала важные документы». А «буряки» – легенда. И вообще она Роза Дитрих, немка, коммунистка и бегло говорит по-немецки, французски и английски.

Как бы там ни было, но ее «парадный спинджак» вызывал удивление, восхищение и легкий шок у членов любой комиссии. Чернушка же намекал на «резидента» и покровительство высоких инстанций. Все это давало положительные результаты. Поэтому праздничный наряд бабы Гани был у нее всегда наготове.

– Нагрянут министерские, никакие ордена не помогут, – запереживала Антонида Захаровна, – и что за характер у меня. Знаю, все на кухне тютелька в тютельку, а душа не на месте. Вор – тот и в ус не дует, а честный человек всегда беспокоится.

– Вы преувеличиваете, – Морозова серьезно глянула на шеф-повара. – Я почти всю жизнь отъездила директором ресторана и никогда не боялась. Кого честному человеку бояться?

– Вам честной легко быть, – вставила Юлька, – не детей, не плетей. А попробуй, покрутись, когда на шее целая орава. И самой охота хорошо поесть и одеться.

– Тронулись, – крикнул кто-то.

Все замерли и подняли ноги. Примета такая. Пока вагон не минует перрон, надо сидеть молча, не касаясь ногами пола. Иначе торговли в дороге не будет.

Антонида Захаровна, кажется, дышать перестала, а директор застыл и не притрагивался к сигарете, пока в окнах не замелькали, переплетаясь, рельсы, светофоры, склады.

В разгар обеда в ресторане, благоухая «Красной Москвой», появился начальник поезда Юрий Антонович Незлобный в кителе, фуражке с белым чехлом, светлой рубашке под черный галстук-«гудок» на резиночке и в белых перчатках. Толстые, обвислые щеки – выбриты до синевы. Мужчина он был представительный, широкий в плечах, грузный. Пришел на железную дорогу после службы в армии, демобилизовавшись в звании полковника. Любил дисциплину и порядок, но по натуре был человек мягкий. Обращались к нему уважительно, но просто, – Антоныч. А за глаза величали Генералом.

Юрий Антонович жестом поздоровался и произнес. – Сидите, товарищи, отдыхайте.

Директор пружинной подскочив к нему, пригласил за стол, но тот, подняв соболю брови, вежливо поблагодарил и двинулся к выходу, продолжая обход.

Генерал после отправления состава лично знакомился с обстановкой на местах, выслушивал недовольных пассажиров, «накручивал хвост» нерадивым проводникам. Юрий

Антонович любил повторять, что «любой пассажир – от рабочего до министра – есть альфа и омега нашей службы, смысл нашей работы».

За Антонычем, поддерживая начальство под локоть, сменил электрик Андрей – молодой, рослый, стройный, плечистый парень с гривой волос соломенного цвета, небольшим крутым лбом, капризным ртом, слегка вздернутым носом и плотным подбородком с ямочкой. Прозвали его Куклой. Причиной была не смазливая внешность, а ловкость рук, умение «всучить «куклу» лоху». Электрик он был некудышный, но со всеми ладил. – Не терплю я эту мерзость – отвертки, ключи, молотки. Руки от них грубеют, – говорил он, разминая пальцами кусочек воска, чтобы «кожа не теряла чувствительность». Настоящая его «работа» начиналась во Владивостоке, где он покупал и продавал валюту.

Хлопнули двери ресторана. Чернушка взглянул на часы. – Хватит отдыхать. За работу, товарищи. И попрошу не путать государственный план и свой карман. Трудимся по принципу – суп отдельно, мухи отдельно.

Антонида Захаровна, Володя и баба Ганя потянулись на кухню. Юлька на обслуживание зала встала, Николай с корзиной товара поплелся по вагонам. Морозова быстро убрала посуду в мойку. А у Василия работа начнется после закрытия ресторана, поздно вечером он станет «ночным директором».

Глава 4

Василий решил спрятать водку. Две бутылки пристроил под кучей мусора в топке котла. Летом ее не разводили. Еще две – в умывальнике. Остальные отнес в купе. В тамбуре подмел пол, повесил на дверь жестяную банку из под консервов. Народ после ресторана повалит в тамбур – курить.

– Вот и примета, глядя в окно на густые заросли елок и дачные домики, – с радостью подумал он, – не сбылась. – Но тут же встревожился, – значит, все впереди. Хорошо бы по мелочи, – мелькнуло с надеждой.

Показалось шоссе, переезд. У шлагбаума вереницей застыли машины. Полотно дороги изогнулось, и, на фоне огромного гаснущего солнца, возник «хвост» экспресса. Состав загрохотал по мосту, а речушка под ним оказалась крохотная, как ручеек. На берегу пятеро мальчишек гоняли мяч, а двое сидели у костра и что-то жарили на прутиках.

Рыбаки замерли с длинными удилищами. – На кого такие снасти нацелили? Здесь кроме мелюзги ничего не водится, – Клоков представил, как пойдет в отпуск, как поедет с семьей на Оку с ночевкой. – Погода еще постоит, улов будет, что надо. Судаки не судаки, а щучки не уйдут. А может жерех попадет. Разведем костерчик. Вокруг сизая мгла, вдали мерцает бакен на фарватере. Жена прижалась, озябла. Мишутка с любопытством наблюдает за пламенем. Сашка подбрасы-

вает ветки. Отблески огня падают на Матильду, а они с Валушкой, обнявшись, тихо поют: «Что стоишь, качаясь, тонкая рябина. Головой склоняясь до самого тына».

За спиной то и дело хлопали двери. – Пассажиры в ресторан ринулись – единственную достопримечательность в составе, – рассуждал Василий. – Может Ларису навестить? Не виделись несколько дней. Поссорились. В последнее время это случалось нередко. Слишком прилипчивая стала. В поезде ведь от людей ничего не скроешь. Я женат, она замужем. А береженого Бог бережет. Но в душе чувствовал – не сплетен он боялся. Пришла в бригаду новая проводница – Настена.

В составе много симпатичных женщин, но никто не задевал его, все казались одинаковыми, а Настена – особенная. Одевается строго, но красиво. Поражает в ней светлая, тугая коса ниже пояса, толщиной с руку. Так и хочется погладить ее и прижаться щекой. Говорит быстро, с легкой картавинкой, словно ребенок набегавшийся. Сама румяная, глаза небольшие, но блестят ярко. Никак не мог Василий найти подход к ней. Встретившись, терялся и спрашивал, как дела, много ли свободных мест, когда в отпуск. Но в мечтах вел себя намного смелее. – Приглашу ее во Владивостоке на пляж. И представлял, как возьмут они лодку, заплывут далеко, далеко, откуда берег покажется узкой полоской, а люди и дома маленькими, игрушечными. Он налегает на весла, мускулы на руках и груди наливаются. Настена склонилась и чертит

пальчиком по зеленовато-темной глади. Слабый ветерок дышит легким запахом йода и удивительной свежестью. Синее небо с редкими пятнышками облаков. Яркое, но не жгучее солнце, чайки. И вот Настена лежит у него на груди, слышно, как стучат их сердца. А дальше...

Василий, усмехнувшись, старался отогнать нахлынувшие воспоминания, но они назойливо всплыли. В лодке Лариса в купальнике из двух голубых ленточек на сдобном, белом теле. Короткая стрижка, темные очки. Он льет ей воду на грудь. С восторженным криком Лариса вырывает черпак и брызги летят на Василия. От неожиданности захватывает дух, но он притворяется, что ему приятно. Потом они накрывают «столик» на корме. Закуска, жареный цыпленок, бутылочка водки. Выпив и закусив, едят с удовольствием. А потом... очнулись от громкого голоса из репродуктора.

– Эй, на прогулочной лодке 24-бис, ведите себя согласно правилам для отдыхающих на воднотранспортных средствах весельного типа. В противном случае ваше судно будет отбуксировано к причалу, а вы подвергнитесь штрафу.

– Там все видели, – руки Ларисы подхватили две голубые ленточки.

– Наверно не все, – одеваясь, пошутил Василий, иначе бы уже выслали сторожевой корабль.

Щелкнули железные двери тамбура.

Здравствуйте, – Настя, покраснев, слегка наклонила голову. – В штабной, сведения несусу.

– А много свободных мест?

– Ни одного. Даже двойники есть.

– Настя, а вы на пляж во Владивостоке не собираетесь?

– Приедем, увидим, – она неуверенно пожала плечами.

– Если надумаете, меня возьмете?

– Конечно. – Рассмеявшись тонким колокольчиком, Настя

исчезла.

– Сразу согласилась. Наверно сама мечтала, а сказать не решалась. – Довольный собою, Василий, подпрыгивая, зашагал к Ларисе.

Глава 5

В купе уютный полумрак. На окнах домашние занавесочки с узорчатой вышивкой. Столик застелен скатерочкой. На нем баночка с букетиком цветов. Тикает будильник. Лариса в черном кимоно с яркими белыми и красными хризантемами, спала на нижней полке, зябко поджав ноги, завернутые в пикейное одеяло. Длинные ресницы едва сомкнуты, дышит тихо, лицо настороженное.

Василий тихо присел на краешек постели, чуть наклонился и заметил у нее на щеке легкий пушок, который, сбегая вдоль уха, растворялся на скулах серебристым дымком. Не удержавшись, прикоснулся к этой «лунной дорожке». Лариса проснулась.

– Ты откуда?

– Проходил мимо. – Он потянулся к ее векам.

– В глаза целовать – к разлуке, – Лариса отстранилась.

– Неужели? – Опустился на колени.

Лариса прижалась к нему, поглаживая ладошками спину. Руки, слегка коснувшись груди, скользнули ниже...

– А двери не заперли, – заметила она, сдерживая смех.

– Уже не надо. – Он расслабился, прислонившись к стене. – Как после бани.

– А после бани необходимо, – Лариса достала пластиковую бутылку с красноватой жидкостью и сверток в фольге.

Развернула.

– Жареные щучки, – обрадовался Василий. И хотя только что отобедал, потекли слюнки. Поднял стакан. – Давай никогда не ссориться.

– Никогда, никогда, – поддержала она.

– Выпил и, широко раскрыв рот, замер, боясь вдохнуть. На глазах выступили слезы. – Ну, это! – Помотал головой.

– Понравилась? Мама постаралась, из карамели гнала. Теперь закуси, – протянула малосольный огурчик.

– И кто придумал водочку огурчиком закусывать? Гениальный был человек.

– А грибочками? – Лариса открыла баночку с маслятами.

Но Василий взялся за щучек. Ел неспеша, смакуя маленькие хрустящие головки, спинки и тонкие ребрышки.

Жареные щучки были не только деликатесом, а настоящим лакомством с детства. Ловил он мальчишкой судаков, голавлей, лещей, жереха, даже стерлядь попадалась, но ничего, вкуснее щучек, есть не доводилось.

– Кто же это постарался? Дай ему Бог здоровья.

– Муженек мой разлюбезный тебе угодил. У нас не квартира, а магазин рыболов-спортсмен. В каждом углу удилица, лески, крючков больше, чем мух. Обручальное кольцо и то переплавил на какую-то шишку.

– Мормышку, – поправил Василий.

– И ты тоже?

– Ну, не настолько, чтобы золотые крючки лить, но иногда

люблю посидеть на бережку.

– Иногда? А мой благоверный всегда. Для него, что я есть, что меня нет, лишь бы клевало. Только и слышишь – повела, подсек, тяну, удилице изогнулось, леска струной, а она играет, играет. Тьфу, ненормальный. Для него рыбу вытащить, что бабу трахнуть. Извини, честное слово, не вру. Я уж с ним и так, и эдак, а он лежит, шепчет люблю, а думает о рыбалке, я ж чувствую. Ешь, наслаждайся, хоть какая-то польза от него.

Василий отложил рыбу, вытер пальцы. Последние слова ему не понравились. Было в них что-то обидное. Захотелось встать и уйти, но появилась баба Клава, напарница Ларисы. Женщина немногим за тридцать, веселая, разговорчивая, с фигурой в три обхвата.

– Ага, голубчики, пьете, жрете, а меня не зовете. Эх, Васюган, – Клава уселась рядом, придавив Василия к стене. – И как я успела? – Проворно навалилась на щук. – Везет же некоторым. Всегда в доме свежак, рыбка живая. А у меня мужик не ремонтах повернут. Приедешь уставшая, в голове грохот, перед глазами морды пассажиров, а он стучит, сверлит день и ночь, хоть беги. Краской воняет, не дом, а народная стройка. Мне прилечь надо, покушать чего-нибудь свеженького, вкусенького. Я ему на день рождения комплект рыболова подарила. Думала, станет рыбачить. Куда там, все валяется, ржавеет. Повезло тебе, Ларчик.

– Да уж, повезло.

– А то нет? – Клава облизала бумажку из-под рыбы, – Тебе бы моего прораба.

– Хочешь, поменяемся? А то у меня обои переклеить некому.

– С радостью. Только он тебе и в постели о гвоздях и шурупах говорить будет.

Разговор раздражал Василия. Резко поднявшись, он процедил сквозь зубы, – труба зовет, сдай в сторону, – толкнул Клаву в пухлый бок. Но она, прислонившись к стене, кивнула. – Проходи, – Василий, нарочито грубо перелез через «преграду», зло придавив коленом толстые ляжки.

– Ой, мамочка, – застонала Клава. – Хорошо то как. Хоть мужик потоптал. Может вернешься?

– Обойдешься, – Лариса встала и прижалась к Василию. – Иди, не слушай нас.

– Кто вас, бабоньки, разберет? – Шагая по коридору думал Клоков. – Пьет, гуляет – плохо. Не пьет, не гуляет, рыбу ловит или дом в порядок приводит – опять плохо.

– Моя Валентина тоже, наверно, подружкам жалуется, – часами под машиной валяется. – Нет, не думаю. Она ее любит, моет до блеска. – Вздохнув, он с нежностью вспомнил Матильду, жену, мальчишек.

Глава 6

– Ну, сейчас задрыхну без задних ног, – потянувшись на полке в купе, с наслаждением подумал Клоков. Снял туфли, а раздеться поленился. Глаза безвольно слипались. В голове быстро, отрывочно мелькали цветные картинки прошедшего дня. Велосипед, Матильда, Лариса, баба Клава, Антонида Захаровна в обнимку с Кузьмой Кувалдой, а потом – ровное, бескрайнее снежное поле и яркое, слепящее солнце.

Неожиданно, как эхо, услышал мягкий голос. – Золотой мой, спит или нет? – И сон, как большая тяжелая птица, нехотя, начал улетать. – Марь Ивановна, явилась. Соскучилась, старая.

Марь Ивановна разменяла седьмой десяток, ветеран войны и труда, но об отдыхе и покое слышать не хотела. – Меня из моей плацкарты только вперед ногами вынесут.

За долгие годы работы ни один пассажир на нее не пожаловался. Случай для проводника редкий. Тем более она вечно «под градусом», в «настроении».

Юрий Антонович, принимая бригаду, заявил. – Еще раз увижу пьяной, уволю.

– Когда ж это я пьяной была? – удивилась Марь Ивановна.

– Да от вас и сейчас пахнет, – не выдержал Генерал.

– Так это я в настроении.

– В настроении? – опешил Антоныч, – как же вы тогда

пьяного представляете?

– Ну, это когда ни рукой, ни ногой пошевелить не может и мать родную не узнает. А для настроения даже врач рекомендует. Нам на передовой для куражу по сто граммчиков ежедневно полагалась. Подводникам и космонавтам по сей день наливают, а уж проводникам сам Бог велел.

– Из каких же это соображений? – Язвительно спросил Юрий Антонович.

– Почему я знаю? Ему виднее.

Антоныч оставил ветерана в покое. Работала она хорошо, начальству не перечила, безропотно платила взносы во все общества – от охраны памятников старины до ДОСААФ. Во время компании по борьбе с пьянством первой записалась в добровольное общество трезвости. Бригадир поинтересовался, для чего ей это понадобилось?

– Да, как же, золотой вы наш, уважаемый? Партия сказала надо. Народ ответил – есть.

– Так вы беспартийная.

– Я – коммунист в душе, а народ и партия едины. Воля партии – воля народа, – бодро засыпала начальника Марь Ивановна «правильными словами».

Тот поспешно согласился и, если о ней вдруг заходила речь, торопливо говорил. – Работник хороший, а главное политику партии понимает правильно. – И доверительно добавлял, – ее за плевков не возьмешь.

– Васек, спишь? Прозвучал у самого уха ласковый голос.

– Нет, танцюю. Чего надо? – Нехотя встал, поднял крышку полки. Марь Ивановна бросилась помогать.

– Кислородик ты наш ненаглядный. Дышать тобой не надышаться, бархатный мой, – бормотала она, кряхтя поддерживая тяжелую крышку.

– Сколько?

– Две, золотой мой, атласный. – Полезла в карман кителя за деньгами. – Для пассажиров стараюсь, пристали с ножом к горлу, – белой, мать, достань. Ну, я к тебе, ласковый.

Василий ворчал и злился для вида. Многие на старушку покрикивают, не церемонятся. Она привыкшая, не обижается, знает, не по злобе это. Марь Ивановна клиент «почетный». Каждый рейс больше всех водки покупает, без всякой для себя выгоды. А могла бы, как некоторые проводники, свой «товар» возить и навар иметь. По неписанным законам водкой в составе «разрешено торговать» ночному сторожу и электрику. Им не с кого калым получить. Но перебивают торговлю не только проводники, а свои же официанты-разносчики.

– Иди, Марь Ивановна, спать хочется.

– Меня уже нет, потерялась, только обниму и поцелую в уста твои сахарные.

– Отстань, луком от тебя несет.

– Сильно? – Она лукаво улыбнулась. – Для маскировки, нежный мой. Проверку обещали. Юрий Антонович мне наказал. – Настроение можете поддерживать на уровне, но что-

бы проверяющие носа не подточили. А что, хорошо прошибает?

– Хоть противогаз надевай. Комиссия до твоего вагона не дойдет, еще в тамбуре задохнется.

– А мне бояться нечего. Она беззвучно рассмеялась, зажмурилась, наморщила лоб, пригладила седые волосы и, резко рванув полы кителя, где торчали белоловки, закричала. – Нас за плевков не возьмешь, мы при гранатах!

Глава 7

Проснулся Василий бодрым, в хорошем настроении. Мурлыча «утро красит нежным цветом» и, предвкушая чашку крепкого чая «под папиросу», вошел в ресторан. Показалось, что попал в казарму, где ночевала рота солдат. За день здесь побывали сотни клиентов. Закурил, дышать стало «легче».

В дальнем конце Юлька с Николаем фасовали печенье и, взвешивая, добавляли гирьку «воровку» грамм на пятьдесят. Мелочь, но наварец капает.

– К большой проверке готовятся, – усмехнулся ночной.

За столом у буфета сидели Велосипед и Генерал. Перед ними стояли закуски, коньяк «Белый аист» и бутылка «Боржоми». Чернушка, закатывая глаза, качал головой, с чем-то соглашаясь. Увидев Василия, он кивнул на свободный стул, пододвинул стакан с коньяком. – Присаживайся, в ногах правды нет. Хотя, ее нигде нет, разве что у прокурора, он всегда прав, – говорил директор, будто крупы сыпал. – Будем толстенькими, – Чернушка хлопнул рюмку.

– Куда еще? – Пробасил Юрий Антонович и, погладив ладонью живот, медленно выпил.

– Пока толстый иссохнет, худой сдохнет, – ободрил его Сергей Николаевич и, осмотрев свои тонкие руки, захихикал.

Василий проглотил коньяк, обжигая язык и горло. Заку-

сил сочным «кружком» лимона.

Юрий Антонович намазал маслом ломоть белого хлеба, положил два куска соленой кеты, а сверху дольку лимона. Оглядел бутерброд и, неспеша, откусил.

– У нас человек – ничто, пыль, – заговорил директор, – вокруг только кричат – все для человека.

– Да, человек. – Юрий Антонович вытер пальцы о полотенце, расстегнул китель. – У меня, ебень, случай интересный был.

Генерал в армии укреплял речь нецензурными словами. Привычка въелась глубоко. Он искренне мучился, но избавиться от нее не мог. Наконец, нашел выход, заменив крепкие выражения одним, вроде безобидным «ебень», которое и использовал для связи членов предложения.

– Служил я при химполигоне. Наступил черед проверки отравляющих веществ на пригодность.

– Прямо, как продукты, – вставил Чернушка.

– Именно. Ну, ебень, расставили клетки с кроликами и в укрытие. Распылили отраву. Прошло нужное время. Специалисты дали команду освидетельствовать результат и приступить к уборке полигона. Я проинструктировал бойцов. И что вы думаете? Один солдатик возьми и сними противогаз. Чуть вдохнул и с копыт. Зачем он это сделал, никто объяснить не мог.

– Значит не испортилась отраву, – не утерпел Велосипед.

– Лучше не бывает, но суть вопроса не в этом. Приказал

я накрыть бедолагу одеялом из караулки. Обычным, суконным. Сколько лет оно там лежало, одному Богу известно. Отправили горемыку в морг. Написал я рапорт. Как, что, при каких обстоятельствах. Везу, ебень, в штаб и уже вижу себя под судом и следствием, хотя моей вины в том, что случилось, нет. Но в армии так не бывает. Если виновных нет, их назначают. А кроме меня под танк бросить некого. Да! Только суть вопроса не в этом. Прибыл, надел брюки шириной назад, чтобы, значит, сподручней меня, – бригадир многозначительно замолчал, подавив неприличный глагол. – Сунулся с рапортом по инстанциям. А в штабе, ебень, Содом и Гоморра и гибель Помпеи впридачу. Оказывается, Никиту по загревку пнули. Отдыхать поехал, а его, ебень, под зад коленом. Но суть вопроса не в этом.

– Антоныч, а анекдот знаете? – Заерзал директор. Он долго молчать не мог.

Но Генерал поднял указательный палец и, неторопясь, продолжал.

– Я к одному, другому. Меня отовсюду гонят. Мол, не до тебя. Но я упорный, стучусь во все двери, и нарвался, ебень.

– Погиб? Боец? Да ты соображаешь, что сейчас в стране делается? Отставить, кругом шагом марш. – Уехал я, а сам дрожу, жду наказания. Но дело заглохло. Отписал я несчастным родителям. Дескать, погиб ваш сын при исполнении служебных обязанностей. А его, нескладеху, сняли, ебень, со всех видов довольствия и уволили из рядов Советский ар-

мии в связи со смертью. Да! Но суть вопроса не в этом. Получил я новое назначение, собрался уезжать, и вдруг заработал начет за ... одеяло. – Приказали погибшего накрыть, А где одеяло?

– Где человек, ебень, никто не спросил. Вот так, – он застегнул китель. – Ну что, по коням? То бишь по койкам? – Попытался встать, но директор торопливо остановил его.

– Анекдот, анекдот. Высадились американцы на Марсе. Ходят, командуют. Небоскребы здесь понастроим, а марсиане отвечают, – опоздали, – прилетал сюда маленький, лысенький, толстенький и обещал всю планету кукурузой засеять. – Чернушка заулыбался.

– Да, Никита бы засеял. Вовремя сняли, а то бы уже при коммунизме жили не тужили. – Антоныч грузно поднялся, надел фуражку, взял перчатки, направился к выходу. – Ну, спокойной вахты.

Глава 8

Директор пошарил за пазухой и, достав ключ от сейфа, поцеловал его. – Нагрудный крест, – захихикал он. – Открыл дверцу несгораемого шкафчика, спрятал коньяк и вытащил пачки денег, перетянутых кассовой лентой. – Ну, мы дали. Только отъехали, и уже полплана готово. Если так дела пойдут, первое место и переходящее знамя у нас в кармане. Говорят, деньги не пахнут, неправда. Я каждую бумажку по запаху узнаю, – цветочки мои, ягодки, какие же вы ароматные. Завяжи мне глаза.

Василий знал, что Чернушка в прямом смысле слова обладал нюхом на деньги.

Сергей Николаевич деловито погасил окурок, достал из каждой пачки по банкноте. Зажмурился. – Перемешай.

Ночной пошуршал «бумажками». Директор взял наугад купюру, принюхался. – Петушок, – ласково произнес он и поспешно добавил, я не жульничаю. – Взял следующую. – Четвертак!

– Да вы по размерам узнаете.

– Что? Возьми их себе и глаза завяжи, – возбудился Велосипед.

Глаза завязывать не стали. Василий держал купюры, а директор быстро и безошибочно отгадывал, радуясь, как ребенок, у которого получился несложный фокус.

– А чем пахнет, например, рубль?

– Интересный вопрос. Знаешь, каждый запах имеет еще и цвет. Рубль, например, медовый, как пчела. Он самый маленький, но очень трудолюбивый. Червонец – красный и по запаху похож на портвейн, но лучше всех пахнут сотенные и полусотенные, жаль их этот придурок, министр финансов, изъял, но я на память оставил. – Он достал купюры. – Они по запаху напоминают черные волги и кожаные кресла. И как ума хватило таких генералов в отставку отправить? Это же не деньги, а произведения искусства.

– А доллары вы пробовали определить?

– Баксы? – Он достал «зеленые» достоинством в пять, двадцать и пятьдесят. – На, перемешай. – Василий незаметно подложил пять рублей и поднес к лицу директора. Тот принюхался, сморщил нос, задумался. – Ты кого лечить вздумал, пацан, – вскрикнул Чернушка радостно. – Заменял и решил, что я ложанусь. Это ж пятерочка, нашенская. Меня не проведешь. Все американские пахнут жвачкой и кока-колой, не ошибешься.

– Вы могли бы в цирке выступать.

– Еще чего, я не клоун, а бизнесмен. – Сергей Николаевич спрятал деньги, закрыл сейф. Бизнес – великое искусство. Думаешь, зря я институт Советской торговли закончил? Погоди, сезон откатаем, возьму наш ресторан в аренду. Народ сокращу, кухню закрою. Только спиртное и закуски порционные, как в Макдоналдсе. В зале – бар с видеосалоном. Вход

платный. Работаем круглосуточно. Я за стойкой днем, ты – ночью. И весь штат. Представляешь, какая экономия персонала и денег. Тебе не просто зарплата, а часть прибыли. Здорово! Потом вагон выкупим и сдадим в аренду другим, а сами еще возьмем. И так, пока все рестораны на линии не станут нашими. А линия перспективная – трансконтинентальная, из Азии в Европу. Если с умом подойти, такие дела можно развернуть, – он зажмурился, закурил, мечтательно закатил глаза.

– Если вы так размахнуться решили, на кой черт вам переходящее знамя?

– Одно другому не помеха, – не смутился Велосипед. – Сегодня – ударники коммунистического труда в почете, а завтра – передовики капитализма. Не торопись поперек бабки в пекло, но и вовремя смыться успеешь. Как наш секретарь парторганизации.

Только шум пошел, что партячейки на производстве закрывают, он сразу в инженеры по технике безопасности подался и начал инструкции писать, правила выдумывать. – Чернушка достал тоненькую брошюрку, прочитал. – «Правила техники безопасности при откупоривании шипучих вин». – Лицо, откупоривающее шипучие вина, – в дальнейшем именуемое манипулятор, – директор многозначительно поднял палец, – обязательно иметь соответствующий документ, разрешающий откупоривать тару, содержащую шипучие вина, – продолжал читать он, морщась от смеха. – Документ

выдается квалификационной комиссией после сдачи теоретических и практических навыков по откупориванию тары, содержащей шипучие вина. И тому подобное на двадцати страницах. И такие писульки по каждому вопросу. Теперь он всем устраивает переаттестацию. Раньше по партийной линии мог взгреть, теперь по технике безопасности. Учись, мотай на ус. Не место красит человека, а человек место. Ну а как наш товар? – Чернушка наклонился к Василию, глазки забегали. – Гони во все лопатки. Мы их, старик, сделаем. За ночь разлить успеешь? Постарайся. Держи, капитан – «черная метка», – он протянул Клокову фальшивую печать треста дорожных ресторанов.

Мало вино затарить, надо на этикетках этот штампик тиснуть, и станет оно дороже «на законных основаниях». Слегка задержав ладонь директора, ночной, нараспев, ответил – Давай пожмем друг другу руки и в дальний путь, на долгие года.

– Типун тебе на язык, змей бумажный, слон плоскошопный. – Чернушка отстранился. – Шуточки у тебя. – Ну, жми, дави, хватай, царапай.

Глава 9

Директор ушел. – С вином лучше повременить, – решил Василий. – Это Велосипеду надо сразу, спотыкаясь. Правда, шумит и суетится он не из вредности, а по должности. Иначе нельзя. Все дела наперекосяк пойдут. С него и план требуют, и культуру обслуживания, и дисциплину, и от своего «бутерброда» обязан отломить и наверх передать. В вагоне он – большой человек, а в конторе – пешка. Посудницу труднее найти, чем директора ресторана. Вот и попробуй и честь соблюсти, и капитал приобрести. Он и вертится, бригаду не шадит – государственный план выполняет. Леваком торгует – для себя и начальства калым добывает. Но во всем меру держит. В составе знают о леваче, но молчат, потому что у каждого свои грехи. Проводники безбилетных пассажиров берут или макароны выдают – постельное белье по второму, третьему разу. У официантов свои хитрости, у кухни свои.

За окнами вагона летела мгла, рассекаемая огнями полустанков. В небе в легком мареве тысячами рыбьих глаз стояли звезды.

– Успею затарить. Тише едешь – цел и невредим приедешь. Передохну и за дела возьмусь. – Клоков сдвинул стулья. Лежать на них можно только на боку, поджав ноги и упершись головой в прохладную, подрагивающую стену вагона. Но ему было удобно и уютно. А вот дома в широ-

кой мягкой постели он, наоборот, долго не мог устроиться. Раздражали накрахмаленные простыни, мягкие подушки, а главное места полно. Засыпая, прислушивался, как сторожевой пес, не идет ли кто. – Где сейчас жена, мальчишки? С мая их не видел. Эх, жизнь! С директором расплачусь и уволюсь, пойду сторожем на стоянку. Выгод много. Во-первых, машина на виду. Во-вторых, при семье. В-третьих, заработаешь больше, если, конечно, не лениться. Сутки дежуришь – трое свободен. Садись за баранку и халтурь. Сколько можно? Сына в первый класс проводить не могу. Сашка, старший, тот уже в восьмой ходит. А Мишутке, младшенькому, только семь исполнилось. Хорошо хоть подарки успел им оставить. – Представил, как поведет Валентина сынишку 1 сентября в школу в новом костюмчике, с ярким рюкзачком за спиной. Вещь удобная, японская. Долго выбирал. Лямки широкие, плечи не трут, карманов и кармашков много, но главное – отражатели. Шагает пацан вечером по дороге. За сто верст они шоферам сигналият. А еще часы. Особенные. Двенадцать мелодий играют, целый оркестр. Вещь необходимая. Сейчас ведь время – деньги.

Соберутся мальчишки-одноклассники, удивятся, начнут расспрашивать, рассматривая заморское чудо, а он с гордостью ответит. – Папа подарил. – От этих мыслей даже в горле запершило. – Ну, ничего, – успокаивал себя Василий, – считай, один день уже в пути, осталась самая малость – тринадцать. На восток – ночи короче, но кажутся длинными, будто

в гору крутую поднимаешься, а из Владивостока возвращаешься, как на санках, вниз летишь. До океана бы дотерпеть, а обратно ноги сами побегут.

Глава 10

От воспоминаний отвлек громкий, икающий смех. Клоков привстал. Юлька, пережевывая печенье, безудержно хохотала, утирая передником слезинки. Николай, опустив голову и шурша пакетами, улыбался. Напротив, за столиком, расстегнув рубашку, развалился Кукла. На его крепкой груди блестела толстая золотая цепочка с распятием.

– Вася, – крикнула Юлька, – знаешь, как называют похороны милиционера? Мусоропровод, – и снова залилась заразительным смехом.

Ночной улыбнулся, но общего веселья не поддержал. «Дурка» явно принадлежала Кукле, которого он недолюбливал, считая мелким фраером и бакланом за манеру общаться со всеми, как с лохами.

– Не дрейфь, братан, напьемся, провеемся. Не такие кочегарки размораживали, – снисходительно говорил тот, как шелуху от семечек выплевывал. С удовольствием хвастался своими способностями. – Я никого никогда не обманываю. Ведь вокруг – лохи, дубье, дерево. Обмануть их – пара пустяков. Я их наказываю за жадность и тупость. Вариантов много. Вот простейший. Прикидываюсь пьяненьким, но козырным хлопцем с прииска «Удачливый». Мол, качу на материк, в отпуск. Три года весь полярный день, всю полярную ночь на бульдозере вкалывал, рычаги дергал. Теперь гуляю.

Денег валом, но хочу зелени – долларов из Штатов, чтобы на них мамане, батяне и сестричкам гостинцы справить. Тусуюсь там, где народ продает, покупает валюту. Хожу, базарю, липну ко всем. Наконец, цепляют меня продавцы. – Много надо?

– Да с тыщенку бы взял. Вынимаю пачку бабок и мотаю перед их глазами завидушими, как красной тряпкой перед мордой быка. Они уже в экстазе. Заламывают сумасшедшую цену. Я не соглашаюсь. Дескать, многовато, братва. Слегка скашивают. Я снова мнусь для порядка, сто раз переспрашиваю не фальшивые ли и, наконец, решаюсь. А они – лохи натуральные. Моряки или рыбаки, которым зеленью платят. Даю я им «куклу» – пачку денег, где мелкие купюры сверху, а крупные – снизу. Считают, пересчитывают, но скоро убеждаются – без обмана. Потом я пересчитываю доллары, но, махнув рукой, бросаю. – Я вам верю. – Кладу деньги в карман и, как бы между прочим, спохватываюсь. – Мужики, я вас, кажется, надул, пару бумажек недодал. – Насторожились, соображают, прикидывают. Вроде все на месте. Но если этот старатель подпитой хочет добавить, надо соглашаться. Возвращают деньги.

– Будь я мелкий фраер – забрал бы все и с концами. Но я честно пересчитываю и, конечно, ошибаюсь. Кладу сверху «куклы» пару купюр. Лохи от радости чуть ли не до неба готовы прыгать. Остальное – дело техники. Отдаю «куклу», снимая снизу пачку крупных, и мигом растворяюсь. А эти

слоны плоскостопные, радуясь удаче, начинают где-нибудь в укромном месте деньги пересчитывать и кричать. – Лишнее пропьем. Но бац, облом, половины-то не хватает.

– А не боишься? – Спросил его как-то Василий.

– Кого? Лохов? Это они меня, пусть боятся. Ментов? Но в милиции тоже люди работают. Поесть, попить хотят. Отстегнешь по мелочи, чтобы не мешали. А если повяжут, больше двух лет не дадут, а в первый раз вообще условно. Вот так. Не такие кочегарки размораживали.

– Ничего, – когда-нибудь разморозишь, – с неприязнью подумал Василий.

– Виноват, – прозвучало над ухом.

В лысом мужичке в линялых спортивных шароварах, застиранной майке, шлепанцах на босу ногу и кобурой на пузе, он узнал прапорщика. Еще в Москве заметил, как сели в штабной вагон два солдата с автоматами и ящиком зеленого цвета, окованным железом, а этот командир шел следом. Им отвели отдельное купе. – Секретную почту везут, – важно объявила Петровна и начала «тереться» возле служивых. – Старая бандероль, а кокарды любит.

– Виноват, – отрывисто и вкрадчиво повторил прапорщик, вскинув два пальца к виску и чуть не «щелкнув» задниками тапочек. – Три пачки Примы.

– Нет Примы.

– Как же так? А что есть?

– Пел-Мел, Кэмэл, Мальборо.

– Отставить, – командир наморщил лоб, всмотрелся в витрину, пригладил маленькие рыжеватые усики. – И Беломора нет?

– Давно не держим. Слава Богу, Яву дали.

– Одна Америка, – упавшим голосом констатировал офицер, – раскрыв ладонь с деньгами. – Пачку Явы.

– Из личной любви к армии и флоту, как член ДОСААФ – держи. – Василий протянул свой Беломор. От денег отказался.

– Когда ближайшая станция?

– Не надейся, теперь до самого Владивостока сплошная Америка. Настоящего курева днем с огнем не сыщешь.

– Безобразие, – разве нормальный человек может этой фильтрованной травой накуриться?

– С меня какой спрос? Происки ЦРУ не иначе.

– Политика, – наставительно заметил прапорщик. – Германию отдали, войска вывели, теперь радуйтесь, курите «маде ин Америка», – задыхайтесь.

– Далеко путь держите?

– Согласно приказу. – Отрезал вояка. Резко повернулся и двинулся к выходу.

– Эй, служивый, дай пушку пальнуть, – крикнул вдогонку Кукла.

Прапорщик машинально прикрыл кобуру ладонью, процедил сквозь зубы. – Когда прикажут, тогда и пальнем, – и быстро исчез за дверью.

Юлька залилась смехом до поросычьего визга. – Испугался, командир. Нажрал ряшку, а солдатики, как два прутика. И мой братик служит-тужит. Небошь, такой же полкан им помыкает.

– Чего ему бояться, он при оружии, головой за него отвечает.

– Кто такому дундуку оружие доверит, Вася? У него кобура вместо кисета, а может шкалик туда прячет.

– Автоматы у солдат настоящие, – подал голос Николай.

– С холостыми патронами. Я как-то во Владике влип. «Сделал» одного моряка-рыбака и в состав, чтобы не светиться. Прилег и вдруг слышу запах скоблянки из трепангов. Я на один бок на другой, а запах все сильнее. Чувствую, хочу скоблянки, как беременный, хоть стреляйся. А раз хочу, значит, дай и прямой наводкой в «Золотой рог». Только там фирменная скоблянка, на свином смальце, мамой клянусь. Забегаю, девочки все свои. Мне, конечно, отдельный столик. Они там круглые, дубовые. Сам Александр Колчак в этот ресторан захаживал. Его место там, как в музее, показывают. Короче, икорочки, балычка, шампани бутылочку. Закусил, несут, родную. Насытился, отпал, млею. Стало вечереть. Народу тьма, музыкантики зашустрили, людишки плясать пошли, уже, значит, подпили. Ну, думаю, перекурю и домой. Хлоп, хлоп, а зажигалки нет. За спиной полный стол каких-то бесов. Пьют, жрут, бакланят. Поворачиваюсь. И того, который за мной, пальчиком по плечу. – Братан, огонь-

ка не найдется? И ... мать моя, женщина. Вижу лоха, которого я днем на уши поставил. Вперились мы друг в друга, как псы перед схваткой. Он завыл, как сирена на пожаре, – вор! Бандит! Держите! Я год в морях гнил, а он за две минуты все отнял. – Дружки его, как пантеры, на меня. Я в углу – бежать некуда. Мигом ныряю под стол. Скатерти длинные, до пола. Слышу – надо мной буря. Достать не могут. Пинают ногами, но стол огромный, не дотянуться. Задрали скатерть и вкруговую рыла засунули, кто с ножом, кто с вилкой. Рвутся меня казнить. Я им спокойно. – Братва, что за базар? Знать ничего не знаю, звоните в милицию. Лох от злости плевать-ся начал. – Мы с тобой без милиции разберемся. – Ну, я не стерпел. Харкнул прямо в рот его вонючий. Сразу притих. Явились менты.

– Господи! – Юлька перекрестилась, откусила печенью.

– Не Господи, а, слава Богу. Стол подняли. Я сижу, как пес на присядках. Вокруг воют, – вор, грабитель, убить, растоптать. Но моя милиция меня бережет. Сама сажает – сама стережет. Всех в отделение. Я прикинулся шлангом, говорю, первый раз вижу, просто прикурить хотел. Опер глянул в упор. – Учтите, чистосердечное признание облегчит вашу вину. Иначе под пресс пустим. – Чувствую, не шутит начальник, но не такие кочегарки размораживали. – Вспомнил, – кричу, – сегодня утром нашел пачку долларов на улице. – Достаяю, показываю. – Прошу принять. – Опер снова зыркнул и говорит отнеси туда, где нашел. Только осторожно. Через

двор пойдешь, о мотоцикл не споткнись, многие за коляску цепляются. Ты, кажется, прикурить хотел. – Расстегивает кобуру, достает зажигалку. – Я думал у вас там пистолет. – А он мне. – В кого стрелять? Вокруг одни наши советские люди. – А ты, Вася, говоришь оружие. Понты и видимость. Пустая у них кобура, пустая.

– И тебя отпустили и денег не взяли? – Удивилась Юлька.

– Кто ж деньги в кабинете брать станет? Я вышел и сунул их под фартук коляски.

– А тот рыбак охламон? – Поинтересовался Николай.

– На то и охламон, – отрезал Кукла, – свидетели рассказывали, как он меня ударить хотел, скверными словами обзывал, а как я его на уши ставил, никто не видел. Предупредили его.

– Мы на тебя можем дело завести и на работу сообщить. Визу тебе закроют и за границу не выпустят, чтобы Родину не позорил. – Тот испугался, еще им отвалил и отбыл в моря рыбу удить. А все от жадности, – заключил Кукла.

– И ты все деньги ментам отдал? – Сокрушенно произнесла Юлька.

– Эх, Юлечка, – он ловко перегнулся через стол, обнял ее за статные бедра. Она закатила глаза, приоткрыла пухлый рот, замерла, слегка постанывая. – Не в деньгах счастье, дочка. Для меня бабки – пыль. Главное уметь их сделать, – он отлепился от Юльки, достал четвертной, зажег и прикурил сигарету.

– Ненормальный. – Пытаясь задуть купюру, Юлька аж покраснела. Но погасить не смогла.

– Как пылают, деревянные, – усмехнулся Кукла и извлек доллары. – Вот это деньги со знаком качества, а не количества.

Неожиданно он вскочил, спешно спрятал долларовую бумажку.

В ресторане появилась Настя. Быстро оглядев компанию, сдвинула брови. – Трудитесь, не спите? – бросила она на ходу и скрылась.

– Расселись, трепяты, – ворчал Клоков, – мог бы сейчас с Настеной поговорить.

К его радости, Кукла широко зевнул, потянулся и лениво протянул, – Кажется, баиньки пора. – Встал и вышел.

Глава 11

– Настя с минуты на минуту будет возвращаться, а Юлька со Студентом все торчат, – волновался Василий. – Ребята, шли бы спать, ночь на дворе.

– Золотые слова, – Юлька закрыла глаза, встряхнулась, вроде морозец ее пробрал, прижалась к Николаю и капризно залепетала. – Колюшка, миленький, девочка спать хочет, отпусти ее, а она тебе за это что-то покажет, – и, заграбастав тощую талию, прижала парня к себе, подмигнув Василию.

– Очень надо, – невнятно пробурчал Студент, дернувшись в сторону. Лицо и шею его залил румянец. – Иди, я закончу.

– Гирьку не забывай, а то пассажиры обожрут, задницы слипнутся, – крикнула от дверей Юлька.

– А этот остолоп остался. Ладно, Студент – свидетель безобидный. – Клоков зашел в умывальник, причесался, заправил рубашку, поглядывая в зал. Ожидая Настю, наблюдал, как легко, почти механически работал Николай.

Появился Студент в бригаде летом. Учился он в институте Стали и сплавов. Закончил первый курс. Умный, симпатичный, трудолюбивый, скромный, скверного слова не скажет, не зазнайка. На гитаре играет, как артист. Не пьет, не курит, из приличной семьи и директору свояком доводился.

Чернушка взял парня «на поддержку штанов заработать и жизни поучиться».

– В институтах многое узнаешь, но только не, то, что надо. Я, к примеру, всю премудрость торговли на месте постиг. Научился, как калым снимать и концы в воду в отчетах прятать. – Доверительно объяснял он Николаю «смысл бытия».

Практику тот проходил у Юльки. – Официанта-разносчика ноги кормят. Чем больше бегаешь, тем больше продаешь, а, значит, и заработок выше. Но если честно торгуешь, то сколько ноги не бей, все равно в пролете останешься. Официант-разносчик, как пчела, на каждой мелочи должен свое взять. Например, дали тебе два сорта колбасы по разной цене, а ты ее по одной, высокой продавай. Или сдача. Крупные, конечно, отдай, а мелочь – зажиль, прикинься. – Извините, мол, обратно пойду, занесу, вы только напомните. – Кто скажет, а кто рукой махнет. А для тебя прибыль. Так по капельке, по капельке горсточка наберется. Официант-разносчик должен быть языкастый, нахальный. Стучи во все двери. Не открывают, сам ручку дергай. Скажут, не надо, а ты не уходи, настаивай. Да больше с хихоньками и хахоньками. – Уважаемая публика, в ассортименте три сорта прохладительных напитков – Буратино, Буратино, Буратино. Первый – утоляет жажду, второй – поднимает аппетит и настроение, третий нормализует сон и кровяное давление, Желающие могут приобрести весь комплект. Если пассажирка в годах, называй ее девушка, а если совсем молодая – только на «вы» и больше робей, красней, смущайся. А если уж кого в форме увидишь, только генералом величай. Проводников

попроси летом вагон натопить. Пить народ захочет, спрос на напитки повысится, и проводникам навар – пустые бутылки. Впрочем, хочешь жить – умей вертеться.

Сама же она быстро сообразила, кого ей в «ученики» Бог послал. Мышей не ловит, кур не топчет, веников не вяжет, одно слово – студент. А ему объявила, – если думаешь на кармане что-то привезти – работаем в одну кружку. Значит, все поровну – и прибыль, и убытки. Только честно, не мухлевать.

Николай согласился и безропотно подчинялся наставнице, доверяя ей полностью. А она его «оседлала». Студент по вагонам корзинами упирается, а Юлька где-нибудь спрячется и дрыхнет. Он выручкой делится, а она утаивает и водочкой втихую приторговывает. Николаю не раз намекали, что дурит его напарница, но он Юльке – ни слова. Видать, крепко она его приворожила. И было чем.

Внешне привлекательная. Роста среднего, ладная, быстрая, упругая. Всегда опрятная, модно и со вкусом одета. На люди не выйдет пока волосы не уложит и «лицо не нарисует». Пальцы с маникюром. Очень она мужчинам нравится. Подплывет к столику, нагнется ниже, чем следует, груди напрягутся, слегка выкатятся, а между ними золотая цепочка с крестиком сбегает. Оглядит всех лукаво и ласково скажет, – чего мальчикам хочется?

– А что у вас есть?

– У нас есть все кроме живых обезьян, – кокетливо, чуть

С вызовом ответит Юлька.

Как-то такой «мальчик» простонал. – Этого хочу, – и, наклонившись, чуть было не угодил в разрез блузки.

На работе она будто на сцене, а среди своих – метиска. Белая женщина с черным ртом.

– Побойся Бога, – не раз возмущалась Антонида Захаровна, – у тебя ведь, что ни слово, то «родная речь».

– Захаровна, у меня было тяжелое детство. Мама рано умерла. Отец – алкоголик, братик на руках. Книги читать мне некогда и хороших слов слышать не от кого, только матерные, вот и привыкла.

Щелкнули двери вагона, Василий вздрогнул. Обрадовался, но пришла Марь Ивановна.

– Ненаглядный мой, лютик бархатный, – всплеснула сучонькими ручками.

– Сколько? – Отрезал он.

– Три, родненький, три, нежный, – поспешно сунула деньги. Достала из кармана апельсин. – Вот тебе, ромашечка моя, незабудка с маргаритками, гостинчик принесла, сокол ясный. Дай поцелую, голубь мой.

Василий подставил щеку, – ох, знойная ты женщина, жаль при исполнении, а то бы занялся тобой.

– Все целуетесь, милуетесь, – раздался легкий голосочек, и двери захлопнулись.

– Как нарочно, кочережка, навязалась. – Клоков отскочил от старушки, словно обожженный.

– Хороша Настена. Сердечко золотое да из себя видная, – Марь Ивановна взглянула на него восторженными, чуть хмельными глазами, – точно, как я, в сорок втором, после школы снайперов. Гимнастерочка, пилоточка, юбочка, сапожки хромовые. Только косу приказали срезать.

– У тебя коса была? – Удивился Василий, оглядывая редкие седые волосы.

– А то! До самой задницы. – Она рассмеялась.

– Значит, ты снайпер? А почему тебя пулеметчицей кличут?

– Я? Снайпер? Господь с тобой. Я только школу закончила, а потом при штабе телефонисткой служила. – Она отставила большой палец и мизинец на манер рюмки, поставила к уху, крикнув. – Сокол, Сокол, как слышите? Прием! Немедленно налейте Ястребу, – подмигнула и, придерживая полы кителя, пошла в плацкарту.

– Все! – Устало, но торжественно объявил Николай. Повалился на стулья, но тут же медленно поднялся. – Убирать надо, а неохота. И как вы всю ночь не спите?

– Справился? Молодец, держи награду. – Клоков бросил Студенту апельсин. Тот поймал, понюхал.

– Здорово! Новым годом пахнет. Откуда он у вас?

– Снегурочка принесла.

– В августе, снегурочка? А как ее зовут?

– Марь Ивановна.

– Это скорее баба Яга, – он поспешно положил апельсин

на стол. – Благодарю за приз, но лучше не надо.

– Почему?

– Меня от одного ее вида тошнит. Извините, может она ваша приятельница, но я, – он брезгливо сложил губы.

– Да тебе с твоей приятельницей до нее, как до Москвы пешком, – вспыхнул Василий, зло, с напором, выделив слово приятельница. Но, посмотрев на струхнувшего, притихшего Николая, сдержался. – Ты, Коля, мало ее знаешь. Она ради других в пух и прах расшибется. Добрейшая тетка. Это она сейчас невзрачная, а в молодости школу снайперов закончила, ордена, медали имеет. А было ей столько, сколько тебе сейчас. И коса у нее была длиннее, чем у Насти, но по уставу не положено, приказали срезать.

– Почему?

– Василий задумался, пожал плечами, – наверно потому, что противогаз не наденешь. – Достал перочинный нож и начал счищать шкурку с апельсина длинной цельной лентой. – О ней, между прочим, в газете огромную статью написали. А ты говоришь, тошнит.

– В газете? А что писали?

Василий разломил апельсин, половину протянул Николаю. – История такая вышла. Разносила Марь Ивановна чай. Стаканов не хватало. В одном купе выпьют, она посуду помоеет и другим пассажирам несет. В спешке напутала и налила заварку в стакан, где кто-то лимон оставил. Раздала и вдруг слышит, – почему этому гражданину чай с лимоном,

а остальным без лимона? – Старушка сообразила, что маху дала, но тут же нашлась. – Лимон причитается только ветеранам войны бесплатно.

В купе оказался журналист из центральной газеты.

– Сколько езжу, но такое внимание к ветеранам встречаю впервые, – удивился он и давай пытаться Марь Ивановну, кто распорядился, когда, но ее за плевков не возьмешь, нагородила с три короба. Дескать, по собственной инициативе, в свете постановлений партии, правительства и министерства путей сообщения о повышении культуры обслуживания пассажиров на железнодорожном транспорте, решила начать с лимона, скоро думает добавить конфеты и растворимый кофе. Корреспондент обрадовался «сенсационному материалу» и на полгазеты статью накатыл «Не черствеют душой ветераны».

– Лучше расскажите, как она на фронте воевала.

– Сам спроси. Возьми бутылочку, зайди, потолкуй по душам. Тоже решил в газету написать?

Студент помолчал и выпалил. – А вы никому не скажите?

– Никому. Я же не баба базарная.

– Вы здесь один любите музыку, инструментом владеете, поэтому меня поймете. Я в институте организовал музыкальную группу. Сами сочиняем и исполняем песни, но тянет к крупным формам, хочу написать рок-оперу. Ну, вроде, «Иисус Христос супер стар» или «Юнона и Авось».

– Ясно, – Василий понятия не имел о рок-операх, но по-

пробовал соединить слова опера и рок. Представилась сцена Большого театра, где когда-то слушали с Валентиной «Хованщину». Вещь ему понравилась. Особенно интересные, красивые декорации и яркие, необычные костюмы. Но жена не переставала удивляться, – ох, и длинная же. Сплю, сплю, проснусь, снова «Хованщина». – Среди героев оперы он пытался представить кричащих, прыгающих, как козлы, лохматых парней с электрогитарами, но не смог.

– Необходима тема, – увлеченно продолжал Студент. – Желательно патриотическая. Я, кажется, ее нашел. Когда в первый раз ехал от Москвы до Владивостока был, как в тумане. Столько городов, рек, лесов, людей и Тихий океан. Музыка начала складываться сама по себе, понимаете? – Он застучал по столешнице ладонями. – Слышите, стук колес поезда. А сейчас, – забарабанил быстро, быстро, – это мы по мосту через Волгу несемся. – Он поднял подбородок вверх и тихо засвистел, потом завыл, – это наш электропоезд подает сигналы. Можно гитару? – Не дождавшись ответа, выхватил из рундука инструмент, подкрутил колки, настроил и, поставив ногу на стул, укрепил кузов. Сосредоточенно уставился в потолок и, неожиданно громко ударив по струнам, запел протяжным голосом.

Я – тепловоз, а не дрезина,
Стрелой летят мои стальные шины,
Я всех тяну, я все могу,
Я – самый главный здесь мужчина.

В груди моей горит огонь,
А не холодная, бездушная машина.

Николай отложил гитару. – Это наброски, эскизы. Мне нужно написать либретто, литературную основу. Желательна интрига, сильная тема, чтобы от нее оттолкнуться. Судьба Марьи Ивановны любопытна, а баба Ганя, говорят, во время войны разведчицей была. Антоныч, наверно, тоже воевал, и все они теперь работают в экспрессе «Россия». Здорово. Я сейчас пишу дуэт Антоныча и бабы Гани. – Он опять запел, но тихо, задушевно.

Ты помнишь, Ганка, как вдвоем, мы воевали под Орлом?
Нам было по семнадцать лет, в руке не дрогнул пистолет.
Конечно, помню, дорогой, как били фрица под Москвой,
Нам было по семнадцать лет, в руке не дрогнул пистолет.

– Стихи, конечно, не совсем, а как вам музыка? Ария тепловоза хуже?

– Нормально, вроде двигатель работает.

– Точно, спасибо, что услышали. Это так важно, – он нервно схватил дольки апельсина, бросил в рот и сбивчиво продолжал, – Я считаю, что должны запеть мосты, рельсы, вокзалы, проводники и мы все в ресторане.

– А танцевать будут?

Николай насупился. – Не знаю, не думал, хотя кордебалет не исключается. Спасибо за инструмент, спокойной ночи.

– Обиделся. Что я ему плохого сказал? Василий свернул из длинной ароматной оранжевой «ленты» «апельсин» и положил на стол. – Пацан, натуральный пацан, вроде моего, старшого, чуть что, губу дует. «Апельсин» качнулся, развернувшись в длинную дорожку.

Глава 12

«Секретное производство» ночной сторож наладил в туалете. На умывальник – канистру с вином. Пустые бутылки на пол. Втянул через резиновый шланг вино из канистры, и давай писать контора, только тару подставляй. С десятка готово – укупориваешь. Пробки пластмассовые, мягкие. Надавил и готово. «Ручная работа» – усмехался он про себя. Потом по этикеткам штампелем пройдетя, и бутылочка, как с конвейера, не отличишь.

Василий приоткрыл двери умывальника, оставив узкую щель, вздохнул и тихо произнес, – Господи, благослови, – зажал конец шланга и сильно потянул, но не рассчитал. Вино хлынуло в рот, ударило струйками в ноздри. Он ловко «укротил стихию» и наполнил первую бутылку. – Ну и гадость, одно слово – бормотуха. – Не успел полканистры разлить, как возле буфета появился молодой мужчина с темными, аккуратно подстриженными и красиво уложенными волосами, в спортивном костюме с надписью «Адидас» болотного цвета. Он осмотрел витрину, оглянулся, громко и уверенно позвал. – Хозяин, есть кто живой?

Ночной выходить не торопился. Неспеша свернул «производство», оценивая гостя. – Лицо спокойное, не жлобское. Мужик крепкий, тренированный. На бандита не похож, скорее из военных. – Неслышно подошел, поздоровался и про-

изнес.

– Ресторан закрыт. Посторонним здесь находиться не положено.

– Доброй ночи, – обрадовался мужчина и слегка замялся. Таинственно улыбнулся. – Понимаешь, старик, дело такое. В командировку едем, сели пульку расписать, надо бутылочку коньяка.

Коньяк для Клокова – товар невыгодный, государственный, навару никакого. Но если «дать понять», могут отблагодарить. Он внимательнее присмотрелся к клиенту. – Дорогие часы, фирменные кроссовки, но смахивает на человека «казенного», чувствуется, что лишних денег у него не водится. Такой не даст, если не намекнуть.

– Я сторож, товаром не распоряжаюсь, приходите завтра. – Деликатно начал Василий.

– Дорога ложка к обеду. Сторож, брат, самая главная фигура, – протянул пачку «Мальборо». – Что охраняю, то и маю, шучу, – гость заискивающе улыбнулся.

– Мне не жалко, но из-за этой бутылки директор мне целую лекцию прочтет. Вы, случайно, не из проверяющих?

– Да ты чего, отец, я простой советский офицер КГБ. – Достал «книжечку», развернул. – Меня бояться нечего. Бутылочку армянского, «полковника», без сдачи.

Сверху получилось немного, но и на том спасибо.

Состав притормаживал. Станция. В умывальник идти не надо. Если «чужие» подсядут, проводники упредят. Приго-

товился к «осаде».

После Москвы, на каждой станции днем и ночью одолевают слезными просьбами женщины. Колбаски копченой или курева дешевого просят. А тронется поезд, пассажиры с вещами «достанут». Будут ходить зад назад и, столкнувшись в ресторане, станут препираться, кто кому дорогу уступать должен. Как говорит Антоныч, каждый считает, что у него галифе ширше.

Завизжали тормоза. В двери заколотили, наперебой закричали, – отец родной, колбаски бы хорошей, папиросов. Мужики забодали, курить нечего, одна Америк, будь она неладна.

– Нету, милые, нету. Ночь, закрыто.

Неожиданно вперед вышел дядька в большой кепке, резиновых сапогах и телогрейке, подпоясанной ремнем с блестящей бляхой. – Цыц, вороны базарные, – прикрикнул он. – Человека от дела отрываете. От колбаски морды треснут. – Протянув деньги, строго добавил, – две, красенького.

– Пьянь несусветная, – набросились на него женщины, – чумы на вас нет. Дня им мало, так по ночам нахлебаться не могут.

Я, мать, не пьянь, а трудящийся человек. В депо работаю, в вечернюю смену. Обеспечиваю бесперебойное движение на путях. Сейчас перерыв на обед, законное время, сели с ребятами поесть, – заталкивая бутылки, пояснил мужичок. – Понимать надо. – Деловито кивнул. – Зеленого тебе, ночь.

Состав ухнул буферами, плавно взял с места. И, как по команде, щелкнули двери с обоих концов вагона, и по залу пошел гулять сквозняк. На середине, зацепившись сумками, запутавшись авоськами, чемоданами, столкнулись пассажиры.

– Ну, куда прешь? Повылазило? Я ж с поклажей.

– А я что, порожний?

– Так я ж с детьми.

– А я с чертями? Гляди, трое.

– Двери! – Закричал Василий. – Люди смолкли, к нему потянулись руки с билетами. – Где наш вагон, в какую сторону?

– Вам – вперед, вам – назад, – развел он спорящих. – Не дай Бог двойники окажутся, до утра разбираться станут, кто больше прав имеет. Наслушаешься, насмотришься и смешного, и грустного. А иной раз прошмыгнет ухарь скорый на руку и прихватит, что «плохо лежит». Пачку печенья, салфетку льняную или вазочку для цветов. Однажды уволокли бочонок с квашеной капустой, в тамбуре стоял. Никому в голову не пришло, что на товар, весом не менее ста килограмм, найдется охотник. Василий тогда чай пил с Володей. Вошел проводник, возмущается.

– Народ, ребята, совсем оборзел. Прется сейчас один, как бульдозер, с кадушкой на загривке, чуть было голову мне не снес.

Никто бы на его слова внимания не обратил. Мало ли чу-

даков в поезде попадаетея, но вошла Захаровна, да с таким лицом, будто только что НЛО пролетел. – Володя, куда ты бочку с капустой из тамбура переставил? – Василий с Володей переглянулись и бегом по составу. Почти в самом хвосте нагнали похитителя. Он, увидев погоню, бросил «трофей» и ходу. Останавливать не стали, а бочку вдвоем донести не смогли, кликнули проводников на помощь.

Глава 13

Вино разлить – полдела. Надо успеть мясо прокрутить и плиту на кухне разогреть. Повар проснется и начнет бифики жарить. Умел он общепитовскую котлету приготовить так, что получался воздушный, сочный бифштекс. Пока он горячий, аппетитный, румяный, официант-разносчик должен доставить его полусонному пассажиру к утреннему чаю. В этом весь секрет. Как только бифик остынет, сразу потускнеет и начинает издавать сомнительный запах.

Василий поддал в топку уголька, пошуровал кочережкой колосники. В поддувало посыпались искорки, оно светилось густым, ярким светом. Значит плита в порядке. Пора будить Володю.

Выйдя из кухни, Клоков столкнулся в тамбуре с двумя пассажирами. Один невысокий, кругленький, второй выше, худощавый. Оба смуглые с помятыми лицами, усталыми, красными глазами. Небриты. Одеты в жеваные костюмы. От них разило вчерашней пьянкой, нестиранным бельем, невымытым телом.

– Дорогой, ты началник? Водка есть? Дай бутылка. – Кругленький достал несколько двадцатипятирублевков. – Давай, дорогой. Вчера мало, мало посидели. Сегодня голова совсем плохой, вах, вах, – он закатил большие глаза.

– Везде болной, – поддержал приятеля худощавый и скри-

вил губы, словно съел какую-то отраву. – Давай, родной, наша станция.

Поезд сбавлял скорость.

– Сдачи не будет.

– Нэ нада, – важно объявил маленький, подняв руку с бутылкой, и оба быстро побежали к выходу.

Василий сунул деньги в потайной карман и поспешил к повару. Чтобы не беспокоить остальных, нагнулся, встряхнул его за плечо и шепнул на ухо. – Пора, труба зовет.

– Уже иду, – промычал тот и, повернувшись на другой бок, снова заснул.

Поезд остановился.

– В ресторане никого нет, – заволновался сторож, – сильно дернул повара, опрокинув на спину.

– Уже иду, – не открывая глаз, повторил Володя. Пристал, но, упав на подушку, разразился раскатистым храпом.

– Иды, Васю, я его пидыму, – услышал он бабу Ганю.

Клоков прибежал в ресторан и только поставил кофейник, как, шатаясь и тыкаясь в стены, ввалился Володя. В сизых спортивных шароварах, оттянутых на коленях, серой застираной куртке в пятнах и шлепанцах на босу ногу он выглядел «блестяще». На полулысой голове торчали всклокоченные волосы. Глаза опухли. – Ко-фе! – Заревел повар и плюхнулся на стул.

Василий часто готовил для него утренний кофе. Володя любил настоящий, в зернах, заготавливая его для рейса зара-

нее. Покупал, не жалея денег, самый «центряк» и долго учил ночного, как правильно заваривать «напиток Богов». Но тот, не соблюдая технологии, делал все намного проще. Володя, как не странно, ничего не замечал. Если запас «центряка» кончался, он пил «случайный продукт» и долго мучился.

– Ну разве это кофе? Это полова, дрек, кафун, как говорят кубинцы. Чувствуешь, какая гадость?

Василий соглашался, хотя никакой разницы между «мокко» и кафунгом не находил.

– Несу, несу. – Зная привычку Володи, он налил ему побольше и погуще.

– Это моя вторая кровь. – Проглотив с маху полчашки обжигающего, черного напитка, повар ожил. Глаза широко раскрылись, припухлость спала. Лицо порозовело, на кончике носа заблестели капельки пота, даже волосы легли ровнее. – Для меня лучше всю ночь не спать, чем встать такую рань. Господи, за что ты меня сделал поваром? Какая профессия может быть хуже? Все дрыхнут, а ты чуть свет – на ногах. И что же? Одному кисло, другому остро, третьему пересолил, четвертому недосолил. Сколько людей, столько вкусов. Довольных нет. А шеф? Только и зудит, – расход продуктов большой, выкручивайся. – Он допил кофе, заглянул в кружку, извлек еще «пару капель», протянул Василию. – Отлей малость.

Тот, не одолев и половины, щедро поделился.

Одно и то же изо дня в день, – причитал Володя, – уже

почти двадцать два годика каторги. А до пенсии и считать не хочется. Ладно, Спасибо тем, кто покушал, приготовить каждый сумеет.

Плакался он для вида. «Повар от Бога», – не раз расхваливали его пассажиры. Заняться чем-то другим, не мыслил ни за какие деньги.

– Судьба! – Часто повторял Володя, – от нее не убежишь. А с чего все началось? Не испугайся я картошку тырить, может, не окончил бы кулинарный техникум и не бегал бы вокруг раскаленной плиты. В детстве летчиком-испытателем хотел стать, а потом космонавтом. В авиакружках пропал. До двадцати раз подтягивался, бегал, прыгал, ледяной водой обливался. Мечтал быть сбитым в бою, как Мересьев. Потерять ноги, но вернуться в строй и погибнуть в лобовой атаке. После школы, конечно, в летное училище. Но на медкомиссии – стоп! Врожденный дефект хрусталика. Для жизни вообще – значения не имеет, но там вверху, при больших нагрузках может сказаться. Я, конечно, переживал, но духом не падал. Мересьев, думаю, без ног летал, а у меня какой-то хрусталик, прорвемся. Призвали в армеечку, попал в ГДР. Закрытый гарнизон, повышенная строгость, но бойцы, как и везде, делятся на салаг и дедов. Прибыли из учебки, осваиваемся. У одного «деда» – день рождения. По этому случаю он дает «банкет для узкого круга». А какая гулянка без жареной картошки? Построил нас, объявляет свою волю. – Заступаете на кухню, разнорабочими, заодно картошки на-

тырите. Кругом, шагом марш. – Я, как услышал приказ, душа в пятки ушла. Раз в жизни украл – книжку о летчиках зачитал, но это и преступлением назвать нельзя. Быстро соображаю, что делать? И придумал. – Разрешите обратиться, товарищ сержант? Повара вам нужны, картошку жарить? – «Дедушка» недоверчиво глянул и спрашивает. – Умеешь? Тонкую, хрустящую, с лучком? – Так точно, – вру я. – А если честно, ни разу не жарил. – Всех отправили на кухню, а меня в спецотсек. Была в казарме такая каптерка с электроплиткой, где годки собирались. Закинули меня туда, инструктируют. – Мы закусим, а ты куховарь. Будет готова – подавай. «Пять капель» для поднятия боевого духа мне поднесли, я и осмелел. Перво-наперво, набухал на сковородку масла. Рассудил так. – Пока буду чистить картошку, лучок поджарится. – Нарубил его, как сумел, и со слезами на глазах в кипящее масло. Борюсь с картошкой, режу тоненько, соломкой, как приказали. Чую скверный запахок подгоревшего лука. Запаниковал, засуетился и вывалил всю картошку – и порезанную, и целую на сковородку. Круто посолил, крышкой накрыл, чтобы запах не распространялся. Жду и думаю – картошка скоро зарумянится. А старшие товарищи веселятся, главное блюдо ожидают. Наконец, не выдержали, стучат в стенку. – Подавай! – Я сковороду подхватил. – Пожалуйста, господа! – Володя помолчал, на губах мелькнула улыбка. – Ну, как старшие товарищи по оружию учили меня уму разуму даже сейчас вспоминать больно. Казалось бы,

повар из меня не вышел. Но судьба сильнее обстоятельств. Пока ходил в молодых, наряды за «диверсию с картошкой» провел на кухне в качестве «поднеси-подай». Пригласился начальнику пищеблока. Доверили более «тонкие» операции, чем ведро с помоями. Суп или кашу в котле стал мешать. Мне это занятие нравилось. Спрашивал, как, что, сколько, присматривался. К концу службы секреты армейской кухни постиг и часто подменял настоящих кандеев. Мечту о небе оставил навсегда. Но не жалею, нисколечко.

Глава 14

За окном разгорался первый день пути. Василий выключил свет, раздвинул занавески, опустил фрамугу. В зал вошел прохладный, бодрящий, свежий ветер. Каждое утро, убирая ресторан, он испытывал чувство обновления. Под громкий, ритмичный стук колес неожиданно вспомнились слова песни.

Я тепловоз, а не дрезина,
Стрелой летят мои стальные шины.

Поставил на стол поднос с чистыми стаканами, насыпал в вазочку карамели, приготовившись к встрече с «писателями».

Каждое утро, на всех маршрутах в двери вагонов-ресторанов стучатся хмурые, озабоченные лица и просят одного – стаканчик красненького. Дешевого портвейна, именуемого в народе «чернилами». Оттого и называют их «писателями». Это самые безропотные, скромные, услужливые покупатели, довольные и ценой, и качеством винца. Как правило, многие из них пьют не ради развлечения или удовольствия. Вино для них такая же потребность, как вода или воздух. Ревностно они следят только за тем, чтобы не было «недолива».

Василий своих клиентов не обижал. «Насыпал» стакан

под самые края да еще конфетку предлагал бесплатно, на закуску.

Первым, тяжело дыша, влетел мужчина лет сорока в пиджаке поверх майки, спортивных шароварах и туфлях на босу ногу. Толстый, с круглым животом и испуганным лицом, полным отчаяния.

Василий потянулся за стаканом, решил налить «первенцу» до упора, но тот, двинув большим кадыком, прохрипел. – Двое, черные. Один высокий, второй маленький, проходили ли?

Ночной мгновенно сообразил, о ком речь, но ответил уклончиво.

– Кажется, перед станцией были.

Мужчина рванулся вперед.

– Что-то здесь не так, – встревожился Клоков и потрогал карман, где лежала щедрая «награда» за бутылку.

А тем временем дружно пошли «писатели» «починить здоровье». Василий, отмеряя товар, с опаской ждал возвращения незнакомца. Скоро тот вошел в зал медленной, разбитой походкой, сгорбившись, как очень больной человек. Добрел до стола, сел напротив, смотря блуждающими, ничего не видящими глазами. – Все до копеечки унесли, – еле слышно произнес он. – Обворовали. Ехал машину покупать, понимаешь, – прошептал он и глубоко, безутешно вздохнул. – Здесь лежали, – вывернул внутренний карман пиджака и внимательно осмотрел затрепанную подкладку, будто к

ней что-то прилипло. – Я же с ними по-человечески. Посидели, потолковали. Говорили, что свой ресторан на Арбате открывают. Выпили. Я им поверил, рассказал, куда и зачем еду. Семерку хотел, – сказал и словно окаменел.

– Обратитесь к начальнику поезда, – посоветовал ночной, – он с милицией свяжется, начнут искать по горячим следам. Идите, не теряйте время.

– Могут найти? – Несмело поднял голову пострадавший.

– Были случаи, – ободряюще соврал Василий. – Попробуйте. – Мужчина, судорожно ухватившись руками за стол, тяжело поднялся.

– Отец, – обратился к нему худощавый, жилистый «клиент», протянув полстакана вина. – Прими, полегчает.

– Полегчает? – Огрызнулся толстяк, глянув брезгливо, со злобой. – Пьете? Всю Россию пропили, – истерично закричал он и, резко отмахнувшись от стакана, вышел.

Все стихли.

– Кто пропили? Такие вот толстые и пропили. Гусь еще тот. Семерку ехал покупать. Разве честный человек может в наше время машину купить?

– Точно, ворюга первостатейная. Вот у вора дубинку украл. – «Писатели» засмеялись и отправились к столу «повторить». Разговор перешел на цены. О грабителях забыли. Стали критиковать политику.

Неожиданно пострадавший вернулся. Лицо его повеселело. – Начальник поезда передал, кому следует, садясь за стол,

сообщил он.

– Что, поймали? – Раздались возгласы.

– Поймают! – Ободренный и довольный, толстяк протянул Василию несколько скомканных купюр. – Только и осталось. На стаканчик хватит, а то голова чугунная. Они, паразиты, мне явно что-то подсыпали. Выпили-то всего ничего да с хорошей закуской.

Василий выдал полную бутылку. – Берите, потом доплатите.

– Ну, спасибо. – Тот залпом выпил два стакана и зажмурился от удовольствия. Щеки покраснели, на глазах появились слезинки. – Эх, мужики, не пейте, с кем попало, до добра это не доведет, и не обижайтесь, если я что не так сказал.

Народ обрадовался, заголосил. – Все путем, с кем не бывает.

Мужичок встал, пожал каждому руку и, сунув недопитую бутылку в карман, вышел.

Глава 15

В зал энергично влетел директор. – Слышал, Васыль, у пассажира из третьего вагона пятьдесят штук помыли, а у меня туфли сперли, полюбуйся, – выставил в проход ногу, – теперь буду в тапочках ходить, как в больнице. Двери на ночь открыли, бабам видите ли жарко стало, ну, туфли и зацепили. Вобщем, обули. И почему мои? Хотя, конечно, не хватать же шкары бабы Гани. Теперь до Владивостока буду в тапочках шеголять. А туфельки новехонькие, лодочки модельные, югославские. Спустят ведь за бутылку. Такие деньги взяли да еще туфли прихватили, крохоборы, чтоб они подавились, – бурчал он, перебирая накладные. – Кстати, они тебе туфли не предлагали?

– Нет, – Клоков опешил, – Я вообще не знаю, они это или нет. Один – маленький, толстый, другой худой, повыше. Черные, небритые. Этот чудак за ними погнался, но их и след простыл, ищи ветра в поле.

– Как же, дожидайся, – захихикал Чернушка. Он, остолоп, накатав Антонычу заявление в милицию. Думает, их поймут. Наивняк, неудивительно, что такого придурка облапошили. Кто искать то будет? Генерал наш, правда, и с меня заявление потребовал. Наколбасил для смеха, пусть ищут. Что у нас с вином?

Василий подсел к Сергею Николаевичу, выложил выруч-

ку. Упругие пальчики Чернушки проворно смыли пачку со стола на колени. Купюры зашелестели. – Молодец, так держать! – Спрятал в сейф. – Жми, дави, хватай, царапай. – Развернулся и закричал. – Володя, кофе, диктуй меню.

В отличие от повара, директор пил только растворимый. – Ценю за простоту, – говорил он. Чай не уважал. – Канитель, заваривать, настаивать. Пусть его китайцы хлебают, а мне некогда возиться. – Разноска, где разноска? – Быстро огляделся по сторонам.

– Здесь, здесь, – откликнулась Юлька из дальнего угла ресторана, где она тщательно «рисовала» лицо.

– Почему здесь, а не по вагонам?

– А я, я товар проверяю. Может, вору ночью чего утащили?

– Ха, утащили у нее. Пачку печенья? Не гони пургу, живо хватай бифики и в путь. За товаром ночной сторож смотрит.

– Васечка, а какие они вору? – Юлька помочила карандашик о кончик языка.

– Один маленький, толстенький. Второй повыше, худой. Оба черные, небритые, мятые.

– Они, они. Вчера я в третьем купейном их видела, водку пили. И тот мордастый с ними.

– Как это ты разглядела? Наверно сама же им водочку и продала? – Директор вперился в нее. – Смотри, красавица, не лезь в чужой огород, – он «со значением» взглянул на Василия.

– Я, продала? – Юлька покраснела, заморгала недокрашенными ресницами. Засуетилась, сгребла тюбики, корбочки, карандашики в маленькую сумочку и шмыгнула за дверь.

– Чего раскричался? – Недовольно подумал Клоков. Пусть торгует. Мне хватит.

– Видал, нет, ты видал? Она же не только тебе, но и мне торговлю срывает. Пассажиры, вместо того, чтобы выпить и закусить в ресторане, берут у нее бутылку, хватают на станции занюханые пирожки-чебуреки и сидят лопают в купе. А план горит. Не будет плана, не будет отпуска. Всем дорогу закидывает. Ничего, вернемся, я ее моментально с волчьим билетом под откос.

– Слышали, слышали? – В зале появилась Антонида Захаровна. Глаза ее выкатились. Лицо побледнело.

– Не только слышали, но и пострадали, полюбуйтесь, – директор продемонстрировал ногу. – Туфли уперли, на ходу подметки рвут.

– Господи милосердный!

– Царыца Небесна! – Из-за тучного тела шеф-повара высунулось сухонькое личико бабы Гани. Она прищурилась, наклонилась, разглядывая тапочки Чернушки.

– Говорят, в третьем купейном пассажира усыпили газом, – Антонида Захаровна потрогала колпак на голове. – Напустили из баллончика и ...

– Использовали, как хотели, – развязно ухмыляясь, пере-

бил ее Кукла. – Он балансировал между столиками с чашкой кофе в одной руке и сигаретой в другой. – Теперь, шеф, надо спать в противогазе, а то отуманят, не узнаешь, с кого алименты получать. Все это байки, никакого газа. Обычная история. Поставили на уши одного лоха и покрасили на пятьдесят штук.

– Пятьдесят тысяч! – Антонида Захаровна зажмурилась, нижняя челюсть у нее отвисла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.